

ЖУРНАЛИСТА НАДО УВАЖАТЬ

Берегите журналиста — этого вездесущего санитара, предупреждающего беды общества.

Эрнест Хемингуэй

Первая моя крупная публикация в «Литературной газете» появилась в 1968 году. Называлась она «Это — Камчатка» и вышла под рубрикой «Страницы из дневника». Через день стали поступать на далекий полуостров телеграммы. Через неделю — письма. Их авторы представляли обширную географию огромной страны. С каждой новой публикацией все больше и больше укреплялась обратная связь с читателями. Письма их мне всегда представлялись в образе пульса времени, в котором мы жили. Их разнотоёмье свидетельствовало о многообразии проблем, волнующих современника. Должен признаться, что многие актуальные публицистические темы я разрабатывал именно с подсказки, с подачи читателя.

Однако это было поистине другое время. По крайней мере так называемая четвертая власть, то бишь средства массовой информации, представляла собой реальную власть. Каждый конструктивно написанный материал, увидевший свет, тотчас же получал отклик как в обществе, так и во властных структурах. Такой оперативной реакции способствовал баснословный тираж газет и журналов. В 50-х годах, к примеру, «Литературная газета» выходила тиражом полмиллиона экземпляров. В 60-х — два миллиона, в 70-х — три миллиона при ограничении лимита тиража, в 80-х — шесть миллионов. В СССР были газеты с тиражом более двадцати миллионов. Однако рекорды принадлежали Армении, где при трехмиллионном населении «Советакан Айастан» и «Авангард» печатались более чем по триста тысяч экземпляров каждая. При таких показателях столь необходимая обратная связь была не только эффективной, но и, что главное, действенной, поскольку создавалось массовое общественное мнение, с которым не могли не считаться власти.

Сегодня наши газеты выходят в среднем тиражом около двух тысяч экземпляров. Да и то в основном в Ереване. В сельские районы поступают буквально единицы — для руководителей.

Население, как в Армении, так и во всем мире, в абсолютном своем большинстве получает информацию по телевидению или из Интернета, которые никогда не заменят газету, подобно тому, как фотография не заменит живопись. Именно по этой причине я довольно часто некоторые статьи на актуальную тему публикую сразу в нескольких газетах. Не стал исключением материал, озаглавленный «Зловещий соблазн». Речь в нем шла о том, что армянский парламент стал уж больно притягательным для тех, кто, презрев законодательное творчество, норовит воспользоваться в личных интересах такими зловещими соблазнами, как статус неприкосновенности, прямой эфир трансляции работы сессий, лоббирование, писаные и неписаные привилегии, которые по сути и по логике вещей, казалось, должны оскорблять достоинство народного избранника. Я предлагал отменить эти пресловутые зловещие соблазны. Если и есть соблазн в работе в парламенте, так это только и только высокий профессионализм, который ассоциируется с подлинным творчеством.

Статья вышла в нескольких газетах на армянском и русском языках. По письмам, телефонным звонкам, встречам с читателями я определил, что каждый из них видел этот материал в разных газетах. Естественно, в репрезентативном отношении это уже не тот читатель. При таком мизерном тираже, даже если статья выходит сразу в целой дюжине газет, трудно полагать, что печать создает общественное мнение и управляет им. И вряд ли можно сказать, что она вообще является, пусть даже условной, четвертой властью.

Проблема осложняется и тем, что еще совсем недавно Армения, в прошлом одна из самых читающих стран в мире, сегодня оказалась в аутсайдерах. Девяносто процентов населения не читает регулярно газет. А по данным уважаемой мной общественной организации «Национальная ассоциация издателей», 70 процентов населения, в том числе и студенты, и школьники (!) не читают книг. Это, конечно, катастрофа. Проблему эту я бы назвал страшной миной, от которой бикфордов шнур тянется в обозримое будущее. Однако это отдельная, ответственная и важная для всех тема.

А пока вернемся к невольному и своеобразному социологическому опросу читателей, откликнувшихся на статью «Зловещий соблазн». Самые, я бы сказал, нелестные оскорбительные высказывания адресуются обобщенно всему парламенту. А ведь вопрос в статье был поставлен куда уж и куда конкретнее:

вряд ли даже самые удачливые бизнесмены позарятся на депутатское кресло, если будут отменены все зловещие соблазны, а законодательное творчество станут вести профессионально и проводить честно, довольно трудоемкую работу со своими избирателями.

Однако читатели пошли, как говорится, дальше и глубже. Один из, скажем так, представителей электората, судя по всему, неплохой знаток творчества Гюстава Флобера, привел даже злую цитату писателя: «Представители народа — всего лишь гнусная кучка продавшихся людей. Их цель — выгода: их душа — куча грязи». Я не являюсь знатоком Флобера, а посему не знаю, кому принадлежат эти слова: самому автору или одному из его героев. Честно говоря, не это важно. Куда важнее сам факт такой злобы, уничижительное отношение к своим же избранныкам. Увы, мой читатель не одинок в своей, мягко говоря, недоброй оценке отечественного парламента, о котором на протяжении веков мечтали в Армении поколения за поколениями.

Опустим излишнюю резкость, жесткость в оценках института законодательной власти страны. Скажем лишь, что ни одно государство на земле не может обходиться без этого института. А раз нельзя без парламента и мы сами — избиратели, по большому счету, если угодно, его родители, значит от нас, избирателей, а не от них, избранных, зависит — быть или не быть зловещим соблазнам, опошляющим и оскверняющим суть и смысл законодательного органа. Именно об этом пишут читатели, утверждая, что нет плохого избранника, есть безответственный избиратель, который не осознает главного: если он продает свой голос, значит, он рубит сук, на котором сидит. Так утверждается в одном письме. Другой читатель такого избирателя считает рабом, приводя в качестве иллюстрации слова Аристотеля, написанные на стене здания древнегреческого парламента: «Власть над свободными людьми более прекрасна и более соответствует добродетели, нежели господство над рабами».

Меня всегда поражает, почему и впрямь удачливые предприниматели, скажем без иронии, талантливые бизнесмены безудержно рвутся к власти? Они, как правило, реалисты-прагматики, трезвенники, отнюдь не сентиментальные. О них не скажешь, что они сумасшедшие. А вот величайший мудрец всех времен и народов Еврипид еще две тысячи пятьсот лет назад, во времена страшного кризиса демократии в Греции заметил: «Беды не миновать, коли законодатели стали деловыми людьми. Ибо нужно сумасшедшим быть, чтоб домогаться власти».

Многие читатели решительно поддерживают предложение о том, чтобы на предвыборных собраниях требовать от будущего депутата своеобразной расписки (слово, данное избирателям и зафиксированное в печати) об обязательном упразднении статуса неприкосновенности и других привилегий. При этом, как делалось еще на заре цивилизации и демократии, можно в закон о депутате добавить специальную статью об ужесточении наказания не только за незаконное преследование избранника народа, но даже за попытку совершить подобное. Так что речь отнюдь не о том, чтобы умалить роль или принизить меру государственной значимости народного избранника. Речь о том, чтобы прикрыть лазейку в парламент тому, кому в буквальном смысле нечего делать в законодательном собрании.

Я привел эту тему в качестве иллюстрации к разговору о роли обратной связи с читателем сейчас, когда печатные издания растут, как грибы после дождя. Власть предрержащим необходимо использовать во благо государства и плюрализм, и инакомыслие, и оппозицию, и недругов, и даже врагов. Государствоведы-исследователи выяснили главную причину падения как больших империй, так и малых государств. Оказывается, власти должны сделать сосуществование людей более гуманным, а не контролировать их мысли и не навязывать им сомнительные нормы.

В наш век газеты нужны не только широкому читателю, но и, может, в первую очередь власть предрержащим, начиная от сельского головы до президента. Те же исследователи давно выяснили, что чем выше стоит человек на иерархической лестнице, тем меньше он читает книг и смотрит телевизор. Так что только из газет правитель нынче может узнать, скажем, о чеховской формуле: «Государство не Бог. Оно не имеет права отнимать то, что не может вернуть». Только из газет можно узнать бьющую, будто электрическим током, предупреждающую беду мысль: где начинается голая целесообразность с точки зрения государства, там начинается произвол в отношении граждан. Не надо нам хвастаться количеством принятых законов, ибо хорошо известно: чем ближе государство к падению, тем многочисленнее его законы. Об этом мы узнаем из газет.

Напрасно журналисты иронизировали над фразой президента о том, что правительство, особенно в переходный период, существует не для того, чтобы его любили. И журналист не только в переходный, но в любой период существует не для

того, чтобы его любили. Его надо всего-навсего уважать за то, что он добывает (за гроши!) самый необходимый и самый, я бы сказал, дорогостоящий продукт — информацию, без которой современный человек уподобился бы рыбе, выброшенной на берег. А потребность в информации — это вовсе не самоцель. Это — и меч, и щит общества.

Разве не благодаря публикациям русских, и не только русских, писателей и журналистов приостановили реализацию преступного плана поворота сибирских рек вспять? Разве не благодаря публикациям армянских, и не только армянских, писателей и журналистов 50-х годов приостановили в буквальном смысле слова убийство последнего национального родника — озера Севан, который должен был уменьшиться до параметров так называемого малого Севана якобы для того, чтобы уменьшить испарение? Это газетчики впервые выдвинули точно выверенную идею: «Патологически активные преобразователи хуже разрушителей». Об этом много писали как в советскую пору, так и в нынешнее время. Однако при прежнем режиме правительство хотя бы реагировало на выступления печати. К примеру, сразу после публикации в «Литературной газете» статьи о проблеме Севана, когда внутренняя бетонная облицовка тоннеля Арпа — Севан разрушалась только потому, что толщина ее оказалась в четыре раза меньше установленной нормы. Тотчас же откликнулся председатель Совета Министров СССР и оперативно принял решение о создании правительственной комиссии, которую возглавил его заместитель. Комиссия вылетела в Армению уже на третий день после выхода статьи. На месте разобрались в проблеме. Выступили перед народом по армянскому телевидению. И самое главное — восстановительные работы в тоннеле взяли под свой контроль.

Речь идет не о единичном случае. Тому примеров тьма. Чиновники снизу доверху прекрасно знали, что любой автор публикации, как говорится, не какой-нибудь кустарь-одиночка. За ним горой стоит целая редакция во главе с главным редактором, который добивается того, чтобы газета была действенной. А для этого надо следить за судьбой своих выступлений, добиваться конечной цели. Но что-то я не припоминаю случая, чтобы наши правительства, а их в нашей независимой республике за постсоветское время было ни мало, ни много — десять штук, хоть раз действительно откликнулись на ту или иную газетную публикацию. А ведь и в журналистике, собственно, как и в литературе вообще, действует принцип: «Спрос определяет пред-